

Предлагаемая Вашему вниманию статья была подготовлена автором осенью 1996 г. во время его работы в Независимом институте социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) для семинара “Формирование общественных лидеров в посткоммунистической Беларуси: экономические аспекты”, организованного НИСЭПИ 1–2 ноября 1996 г. при содействии Международного центра частного предпринимательства (CIRE), Вашингтон, США. Фрагменты доклада были представлены на страницах информационно-аналитического бюллетеня “Новости НИСЭПИ”.

К сожалению, полный текст доклада автору опубликовать не удалось. Официальные экономические журналы не сочли возможным публикацию этого чисто аналитического материала из-за его “политической направленности”. Очевидно, что для “политически корректных” изданий любой научный текст, содержащий выводы, ставящие под сомнение проводимую в стране экономическую политику, является “политически направленным”. Аналогичная ситуация сложилась и с другой статьей автора, посвященной эконометрическому анализу влияния роста денежной массы на инфляцию в Беларуси. Опубликовать статью удалось только в “Квартальном бюллетене клуба экономистов”, спустя продолжительное время после ее написания. Данные обстоятельства говорят о настоятельной необходимости создания в Беларуси действительно независимого научного издания экономической направленности, где были бы представлены различные точки зрения и авторские позиции, а главным критерием отбора статей стало бы качество предлагаемого материала.

Поскольку предлагаемая статья была подготовлена в 1996 г., то в ней, естественно, не отражены некоторые тенденции развития экономики Беларуси, наметившиеся в последние годы (в частности, экономический рост на фоне высокой инфляции). Однако мы полагаем, что основные положения работы не потеряли своей актуальности, а проблемы экономического роста в Беларуси в контексте других стран с переходной экономикой подробно анализируются в статье А. Чубрика.

И. В. ПЕЛИПАСЬ

директор исследовательского центра ИПМ,
кандидат экономических наук

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА ИЛИ РЕГУЛИРУЕМЫЙ РЫНОК?

1. СОЦИАЛЬНАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭКОНОМИКА ДИРИЖИЗМА

Программные документы различных политических партий Беларуси свидетельствуют, что открыто за либеральную экономическую модель развития страны практически не выступает никто. Даже Объединенная гражданская партия, в целом стоящая на позициях экономического либерализма, объявляет своей целью создание социально-рыночной экономики [1]. Однако если для ОГП это скорее популистская уловка, то все остальные политические силы, заявляя о социальной рыночной экономике, явно или неявно исходят из концепции “*фиаско рынка*” и необходимости активного вмешательства государства в его деятельность. Например, в программе БНФ прямо говорится, что социальная рыночная экономика противостоит концепции экономического либерализма, основанного на свободной конкуренции и невмешательстве государства в экономику. Вполне определенно по этому поводу высказывается и аграрная партия, планируя создать в республике многоукладную регулируемую государством рыночную экономику. Президент Беларуси А. Лукашенко также заявляет о создании социально-ориентированной экономики, иногда добавляя (в зависимости от обстоятельств) к этому словосочетанию “рыночный” довесок.

Что же представляет собой социальная рыночная экономика на деле? Прежде чем ответить на этот вопрос, заметим, что термин “социальная рыночная экономика” возник в 1940-х годах в Германии благодаря группе **либеральных экономистов**, которые подразумевали под ним **конкурентную капиталистическую экономику**, где государство не довольствуется ролью “ночного сторожа”, а активно содействует развитию **рыночных институтов** [2]. Однако в дальнейшем понятие “социальная рыночная экономика”, введенное в оборот в популистских целях убежденным реформатором-рыночником Л. Эрхардом, приобрело совершенно иной, в значительной степени антирыночный, оттенок.

Безграничная вера в государство как средство решения всех проблем и трудностей, к сожалению, характерна не только для посткоммунистического

общества. Западные страны зачастую преподносят нам не лучшие примеры, а зарубежные экономисты далеко не все являются сторонниками экономического либерализма. Как отмечает проф. Х. Лангенберг, большинство американских студентов-экономистов не имеет ни малейшего представления о работах таких крупных либеральных мыслителей как Мизес, Хайек и Хэзлит. Это, по мнению Х. Лангенберга, обусловлено тем, что в большинстве американских университетов наиболее пристально изучаются марксистские и кейнсианские экономические доктрины, которые воплощались в жизнь США и других стран мира в течение последних 50 лет и стали причиной многих экономических неурядиц [3].

Стало расхожим утверждение о том, что своему нынешнему благосостоянию страны Запада обязаны государственному вмешательству в экономику. Из этого делается вывод, что странам с переходной экономикой следует усиливать государственное регулирование, особенно для преодоления экономического кризиса. Набор предлагаемых дирижистами мер стандартен и в этом смысле белорусские сторонники усиления роли государства в экономике неоригинальны:

- денежная экспансия с целью стимулирования производства;
- регулирование цен и заработной платы в целях недопущения высокой инфляции;
- ограничение импорта для защиты внутреннего производства;
- установление ограничений на движение капиталов;
- прямая государственная поддержка отдельных отраслей и предприятий;
- государственная поддержка сельскохозяйственного производства.

В принципе, список предполагаемых государственных “интервенций” в экономику может быть продолжен. Однако и так понятно, что социальная рыночная экономика – это экономика прямого государственного вмешательства в экономическую деятельность (дирижистская экономика). Возникает вопрос, ведет ли все это к желанной цели – экономическому росту и повышению уровня жизни. Выделим три, на наш взгляд, главных аспекта этой проблемы.

1. Неверная интерпретация исторического опыта развития стран Запада.

Исторические факты свидетельствуют, что “еще ни одна развитая цивилизация не добивалась успехов без правительства, видящего свою главную цель в попечении о частной собственности, тогда как “сильное” правительство вновь и вновь тормозило рост и процветание того, чему так помогали эти попечения”. Европейская цивилизация обязана своему возрождению в период позднего средневековья политической анархии. “К современному индустриализму пришли отнюдь не там, где правительства были сильнее, а в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов и, наконец, в Англии с ее мягкой системой правления, т.е. там, где правили горожане, а не вои-

ны” [4]. Таким образом, экономическое развитие шло более быстрыми темпами там, где частная собственность получала наибольшую защиту, а не там, где государство вмешивалось в ее использование.

Идея “ограниченного государства” для стран, вставших на путь рыночных реформ, является, на наш взгляд, более жизненно важной, чем для развитых капиталистических стран, которые могут себе позволить такую роскошь как “социальная рыночная экономика”. Как писал Ф. Хайек, “централизованное управление, подчиненное так называемой “социальной справедливости”, – роскошь, которую богатые нации, может быть, и в состоянии позволить себе на долгое время без слишком заметного ущерба для своих доходов. Но для бедных стран, экономический рост которых зависит от ускоренной адаптации к быстро меняющимся условиям, подобный способ, конечно, неприемлем” [5].

2. Ограниченные возможности правительств в посткоммунистических государствах. Государство с экономической точки зрения является ограниченным ресурсом (в терминах времени, денежных средств, компетенции чиновников) [6]. Однако когда речь заходит о различных направлениях государственного регулирования экономики, неявно предполагается, что потенциальные возможности государства безграничны. Поэтому, если даже предположить, что интенсивное государственное регулирование является благом для экономики, то возникает вопрос, хватит ли у государства сил для осуществления эффективных интервенций в экономику. Понятно, что в переходных экономиках возможности государства (наличие финансовых средств, компетентность чиновников) значительно ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. Кроме того, в переходных экономиках перед государством стоят сложные задачи по формированию правовой базы и инфраструктуры рыночной экономики. Увлечение чрезмерным вмешательством в экономическую жизнь, безусловно, будет отвлекать ограниченные ресурсы государства от решения этих первоочередных задач.

3. Фиаско государства. Идеологической основой государственного вмешательства в экономику является концепция “фиаско рынка”. Однако из того факта, что рынок не в состоянии эффективно решить некоторые задачи, вовсе не следует, что их можно эффективно решить посредством государственного регулирования. В реальной жизни государство не является некой беспристрастной и умной машиной, защищающей общественные интересы и нацеленной на долгосрочные перспективы. Напротив, государственный аппарат состоит из конкретных людей, преследующих свои личные интересы и занятых поиском политической ренты (получение экономической ренты при помощи политических средств). За многими (если не за всеми) решениями по государственному регулированию экономики (торговые барьеры, субсидии сельскому хозяйству, селективная помощь отдельным производствам и т.д.) стоит

именно стремление получения политической ренты. Чтобы государственные чиновники беспристрастно следовали неким общественным интересам (заметим, что общество в целом интересов не имеет, интересы могут иметь лишь конкретные люди и некоторые из этих интересов могут совпадать), они должны были бы быть, по образному выражению основоположника теории общественного выбора лауреата Нобелевской премии Джеймса Бьюкенена, “экономическими евнухами” [7].

Таким образом, теоретические обоснования государственного вмешательства в экономику и, следовательно, социальной рыночной экономики весьма зыбки. Практика свидетельствует, что очень часто социальная защита в виде перераспределения доходов, различных протекционистских мер для сохранения занятости, фиксация цен и др. превращается в дополнительные доходы весьма узких групп людей. При этом положение “подзащитных” групп обычно не меняется к лучшему. Государственное вмешательство в экономику, как правило, не улучшает функционирования рынков, а подавляет рыночные механизмы. Как будет показано далее на эмпирическом материале, именно экономическая свобода, а не дирижистская практика, является ключом к экономическому росту и повышению уровня жизни широких слоев населения.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Экономический рост обуславливается целым рядом факторов. При этом инвестиции, в том числе и в человеческий капитал, выступают его необходимым условием. Однако инвестиции сами по себе еще не гарантируют устойчивого экономического роста. Большое значение имеют экономические условия, в которых эти инвестиции осуществляются. Иными словами, степень экономической свободы является тем катализатором, который способствует эффективной трансформации инвестиций в высокие темпы экономического роста.

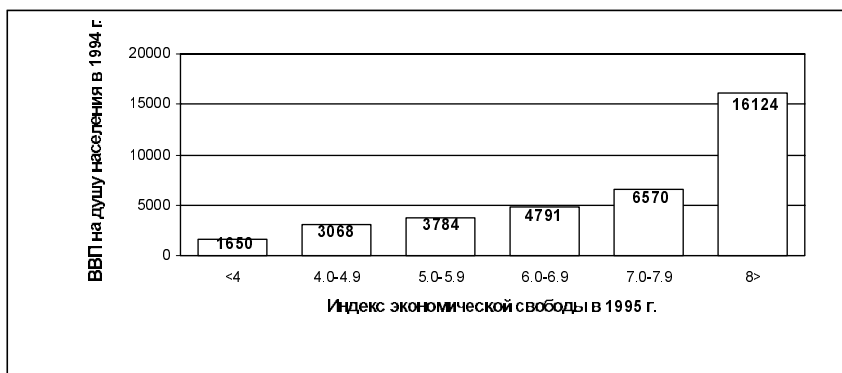
Как определить уровень экономической свободы конкретной страны? Для этого используются специальные индексы экономической свободы. Наиболее известны публикации индексов экономической свободы таких организаций как *Heritage Foundation*, *Fraser Institute*, *Freedom House* [8]. Методология построения этих индексов различается: в одном случае используются статистические показатели, в другом – в основу построения индекса заложены качественные индикаторы. Однако в большинстве случаев различные индексы экономической свободы дают примерно одинаковую картину. Так, по данным *Heritage Foundation* за 1996 г. Беларусь отнесена к странам с преимущественно несвободной экономикой (отметим, что далее в классификации следуют страны с полным подавлением экономической свободы); согласно данным *Freedom House* за 1995-1996 гг. наша страна отнесена к экономически несвободным странам (последняя ступень классификации).

Попытаемся показать связь между экономической свободой и основными макроэкономическими показателями, используя статистические данные и индексы *Fraser Institute* и *Freedom House*.

2.1. Экономическая свобода и мировая экономика

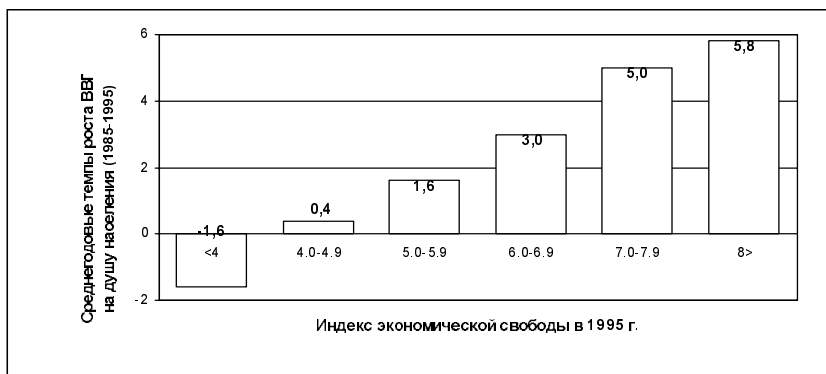
Как показывает экономическая теория и мировой опыт, частная собственность, стабильная денежная система, низкие налоги и свободная торговля являются основой экономической свободы и процветания. Исходя из этого в основу построения своего индекса экономической свободы *Fraser Institute* кладет четыре блока показателей, характеризующих перечисленные аспекты экономической свободы.

Рис.1. ВВП на душу населения в странах с различным уровнем экономической свободы (в долларах США 1985 г.).

Источник: Economic Freedom of the World: 1975-1995.

Рис.2. Среднегодовые темпы роста реального ВВП на душу населения в странах с различным уровнем экономической свободы (%).

Источник: Economic Freedom of the World: 1975-1995.

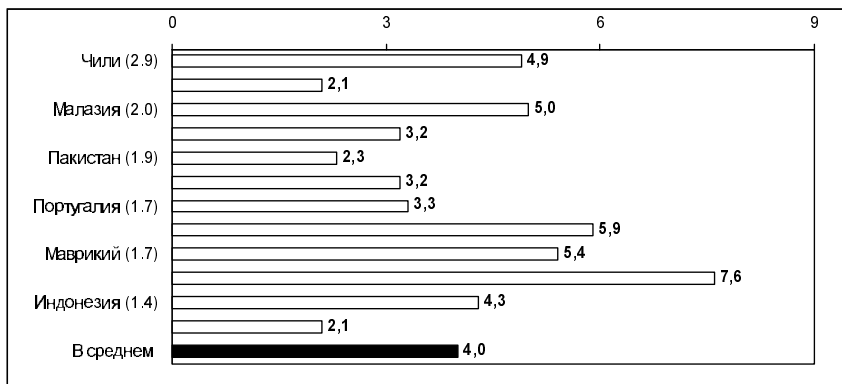
Конкретные показатели были отобраны в ходе серии конференций с участием крупнейших экономистов, в том числе лауреатов Нобелевской премии – Милтона Фридмана, Гари Беккера и Дугласа Норта [9]. Все компоненты индекса являются показателями официальной статистики. Итоговый показатель – индекс экономической свободы – изменяется от 0 до 10.

На рис. 1 и 2 представлена группировка более чем 100 стран по величине индекса экономической свободы: всего выделено 6 групп стран с различным уровнем экономической свободы. Как видим, *ВВП на душу населения и его среднегодовые темпы прироста имеют положительную связь с уровнем экономической свободы*. Более экономически свободные страны, как и следовало ожидать, имеют лучшие экономические показатели. Так, ВВП на душу населения в группе наиболее свободных в экономическом отношении стран почти в 10 раз выше, чем в группе экономически наименее свободных государств. Та же картина наблюдается и по экономической динамике: среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в наиболее свободных странах составляли от 3% и выше, в то время как в экономически несвободных странах соответствующие темпы прироста были близки к нулю.

Важно отметить, что в качестве компонентов данного индекса экономической свободы выступают только показатели, характеризующие институциональную структуру и экономическую политику, поэтому здесь не возникает проблемы так называемой ложной корреляции. Это дает основание считать, что указанные на рис. 1 и 2 связи имеют характер зависимостей, а именно: *страны, осуществляющие политику, соответствующую принципам экономической свободы, вознаграждаются более быстрыми темпами роста ВВП и более высоким уровнем жизни населения; напротив, подавление экономической свободы (обычно во имя экономического роста и борьбы с бедностью) неизбежно ведет к стагнации экономики страны и нищете ее граждан*.

Экономическая свобода является основным фактором экономического развития, причем, этот специфический “ресурс” потенциально имеется в любой стране. Эмпирические данные показывают, что рост экономической свободы в конечном счете ведет к улучшению экономических позиций страны. Конечно, рост экономической свободы находит свое выражение в экономическом росте, как правило, не сразу, поскольку субъекты экономики должны убедиться в устойчивости происшедших изменений и отреагировать на новую ситуацию.

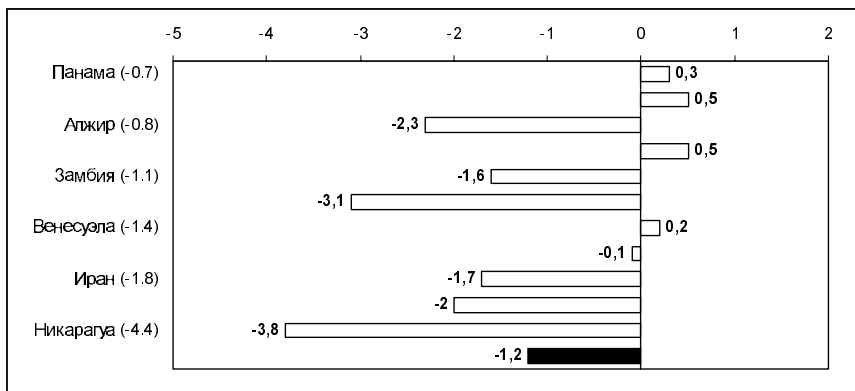
Рис.3. Среднегодовые темпы изменения ВВП на душу населения в 1985-1994 гг. в странах с наибольшим *ростом* индекса экономической свободы (%).

Источник: Economic Freedom of the World: 1975-1995.

Примечание: В скобках около названия стран указаны изменения индекса экономической свободы за 1975-1990 гг.

Рис.4. Среднегодовые темпы изменения ВВП на душу населения в 1985-1994 гг. в странах с наибольшим *снижением* индекса экономической свободы, (%).

Источник: Economic Freedom of the World: 1975-1995.

Примечание: В скобках около названия стран указаны изменения индекса экономической свободы за 1975-1990 гг.

Такого рода зависимость представлена на рис. 3 и 4: в странах с наибольшим *ростом* индекса экономической свободы в 1975–1990 гг. отмечались устойчивые среднегодовые темпы экономического роста в 1985–1994 гг. – в

среднем 4% в год. При таких темпах роста ВВП на душу населения удваивался бы каждые 18 лет. Соответственно в странах, где произошло наибольшее снижение уровня экономической свободы, как правило, имело место снижение ВВП на душу населения (в среднем на 1,2% в год). В большинстве стран, добившихся успехов в либерализации экономики, удалось покончить с безудержным ростом денежной массы и тем самым довести годовые темпы инфляции до одно-двухзначного числа; граждане получили возможность открывать банковские счета в иностранной валюте как в своей стране, так и за рубежом; предельные ставки налогов сократились с 50–80 до 25–40%; были устранены многие барьеры во внешней торговле.

Иной подход при построении своего индекса экономической свободы использует *Freedom House*. В данном случае не используются статистические данные, и оценка производится на основе качественной информации. Суть этого подхода состоит в следующем. Экономическая свобода (несвобода) обуславливается действиями государства. С одной стороны, человек не может быть экономически свободным, если государственные органы регулируют цены, заработную плату, создают барьеры на пути свободной торговли и осуществляют другие меры, препятствующие свободному обмену и кооперации между людьми; с другой стороны, для обеспечения экономической свободы необходимы активные действия государства по обеспечению правил “экономической игры”, защите прав собственности, созданию необходимых институциональных условий для эффективного функционирования рыночной экономики.

Поэтому при построении индекса экономической свободы используется информация, характеризующая, в какой степени государство препятствует свободной экономической деятельности граждан, и в какой степени оно содействует формированию и развитию рыночных институтов. Индекс экономической свободы принимает значения от 0 до 16. В соответствии с величиной этого индекса страны делятся по уровню экономической свободы на четыре группы: свободные, частично свободные, в значительной степени несвободные, несвободные.

Группировка стран по величине индекса экономической свободы, рассчитываемого *Freedom House*, также указывает на прямую связь между экономической свободой и экономическим развитием. К сожалению, данный факт зачастую не принимается во внимание как экономистами, так и политиками.

Данные табл. 1 показывают, что в экономически свободных странах проживает всего лишь 17% населения мира, однако эти 17% производят 81% общемирового ВВП. В то же время на долю 36% населения, проживающего в странах с несвободной экономикой, приходится только 5% общемирового ВВП. Уровень производительность труда в экономически свободных странах

примерно в 34 раза выше, чем в экономически несвободных странах.* Кроме того, при уменьшении уровня экономической свободы резко снижается и уровень производительности труда.

Таблица 1
Экономическая свобода и производительность труда в 1995 г.

Группы стран по уровню экономической свободы	Количество стран	Население		ВВП		% ВВП в расчете на 1%
		млн, чел.	в % к итогу	трлн USD	в % к итогу	населения
Свободные	27	942	17	18,8	81	4,76
Частично свободные	22	395	7	1,1	5	0,71
В значительной степени несвободные	13	1645	30	1,9	8	0,27
Несвободные	20	1974	36	1,1	5	0,14
Страны, не охваченные анализом	109	546	10	0,2	1	0,10
Всего	191	5502	100	23,1	100	1,00

Источник: Freedom House. World Survey of Economic Freedom 1995-1996.

Приведенные данные ярко свидетельствуют о том, что экономическая свобода – это залог экономического роста и высокого уровня жизни. Экономически свободные страны не только демонстрируют значительно более высокую производительность труда, кроме этого, обеспечивая подавляющую часть общемирового производства товаров и услуг, они в значительной степени обеспечивают экономическими благами другую часть стран, правительства которых под различными предлогами ограничивают права граждан на свободную экономическую деятельность.

2.2. Экономическая свобода и посткоммунистические страны

Рассмотренные зависимости подтверждаются и в отношении стран с переходной экономикой. Страны с наибольшей экономической свободой быстрее преодолевают трансформационный спад и выходят на траекторию устой-

* Исходя из имеющихся данных уровень производительности труда был определен как ВВП в расчете на душу населения. Понятно, что это не вполне точная характеристика действительного уровня производительности труда, однако использование вместо всего населения лишь его работающей части вряд ли существенно изменит соотношения в производительности между группами стран с различным уровнем экономической свободы.

чивого экономического роста. Страны, остановившиеся на перепутье между “планом” и “рынком” в поиске особого “третьего пути”, пребывают в состоянии углубляющегося экономического кризиса.

Рассмотрим эту ситуацию более подробно. Отметим, что *Freedom House* классифицирует страны по величине индекса экономической свободы следующим образом: от 13 до 16 баллов – свободные страны; от 10 до 12 баллов – частично свободные страны; от 7 до 9 баллов – в значительной степени несвободные страны; от 0 до 6 баллов – несвободные страны. Исходя из представленной шкалы для большей наглядности мы разделили посткоммунистические страны* на две группы: преимущественно свободные страны и преимущественно несвободные страны. Границей такого деления выступает индекс экономической свободы, равный 9 баллам.

На рис. 5 и 6 показана связь между экономической свободой и основными макроэкономическими показателями (динамика ВВП и темпы инфляции) в посткоммунистических странах. Шкала индекса экономической свободы разделена на две части точкой, соответствующей 9 баллам. В результате на плоскости мы имеем две области: область экономической свободы и область экономической несвободы.

Как видно из рис. 5, между уровнем экономической свободы и темпами экономического роста в рассматриваемой группе стран существует достаточно тесная положительная линейная связь (коэффициент корреляции равен 0.77). Иными словами, чем выше уровень экономической свободы, тем в среднем выше темпы экономического роста.

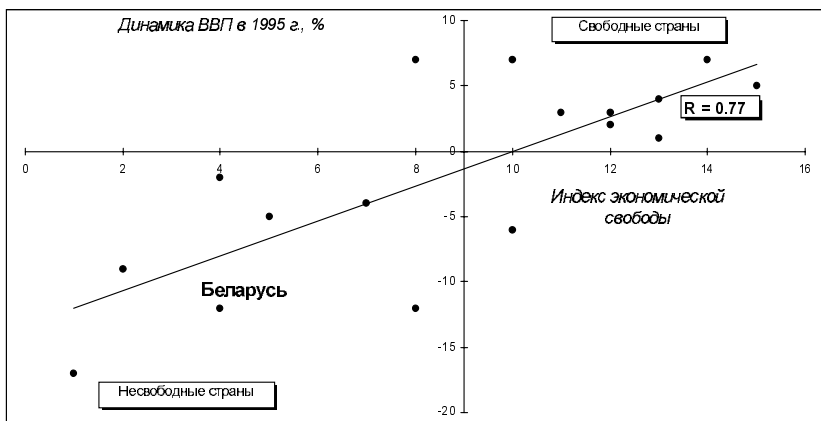
Практически во всех странах (кроме одной), находящихся на графике в области экономической свободы, в 1995 г. наблюдался значительный рост ВВП: от 2 до 7%. Напротив, в экономически несвободных посткоммунистических странах (за исключением одной) в 1995 г. продолжался экономический спад. Следовательно, ключ к экономическому росту находится в руках государства: вместо усиления вмешательства в экономическую деятельность необходимо дать людям максимальную экономическую свободу.

Обратимся теперь к рис. 6, где отражена связь между уровнем экономической свободы и инфляцией. Для большей наглядности темпы инфляции представлены в логарифмах; пунктирная линия на графике разделяет шкалу на два участка – с годовыми темпами инфляции, выражающимися одно- и двухзначными числами, и с годовыми темпами инфляции, выражающимися числами с тремя знаками и более. Как и в предыдущем случае, экономически свободные страны демонстрируют лучшие результаты: в большинстве этих

* Были рассмотрены следующие страны с переходной экономикой: Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Румыния, Эстония, Латвия, Литва, Россия, Украина, Беларусь, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан.

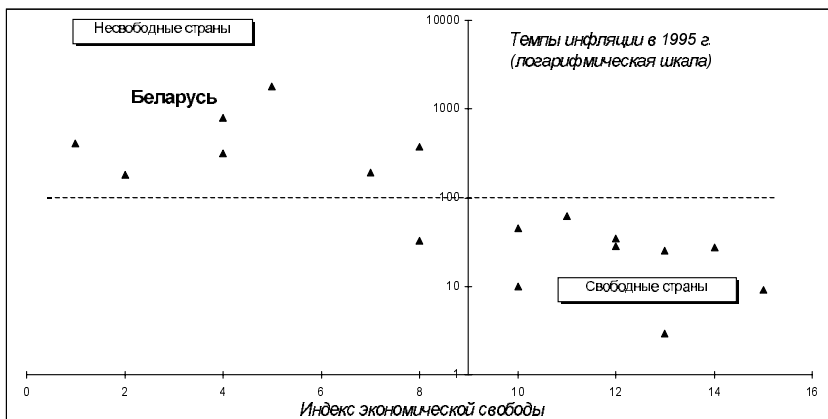
стран (за исключением одной) годовые темпы роста уровня цен в 1995 г. были в пределах двухзначного числа. Все экономически несвободные страны находились в условиях крайне высокой инфляции. Таким образом, экономическая свобода и динамика среднего уровня цен находятся в обратной зависимости – чем выше уровень экономической свободы, тем ниже темпы инфляции.

Рис.5. Связь между экономической свободой и динамикой ВВП в посткоммунистических странах

Источник: Freedom House. World Survey of Economic Freedom 1995-1996; World Development Report 1996. From Plan to Market.

Рис.6. Связь между экономической свободой и инфляцией в посткоммунистических странах

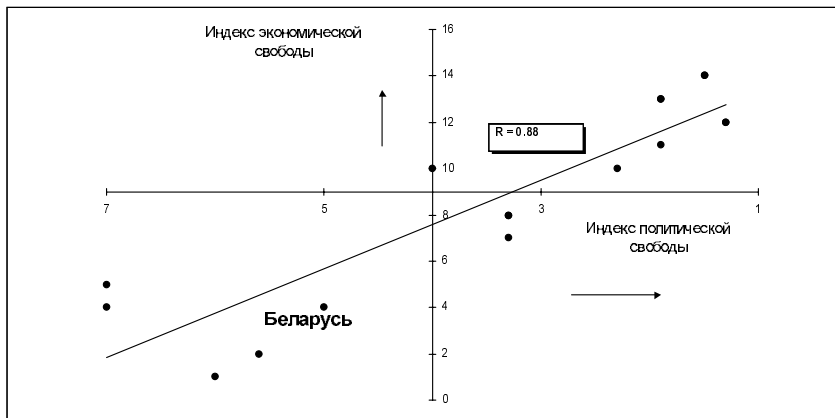

Источник: Freedom House. World Survey of Economic Freedom 1995-1996; World Development Report 1996. From Plan to Market.

Согласно индексу экономической свободы, рассчитанному *Freedom House*, Республика Беларусь является экономически несвободной страной (индекс равен 4 баллам), опережающей по данному показателю лишь две посткоммунистические страны – Казахстан (2 балла) и Азербайджан (1 балл). В такой ситуации трудно ожидать реального экономического роста и стабильности цен.

Особую остроту в настоящее время для Беларуси приобретает проблема политической свободы как фактора экономического роста. Населению настойчиво навязывается мысль, что для успешного экономического развития стране “необходим единый хозяин в лице президента”, а наличие разделения властей и широких политических свобод для граждан трактуется как непозволительная в нынешних условиях роскошь. Однако и в этом случае эмпирические данные свидетельствуют об обратном: экономическая свобода (следовательно, и экономический рост) тесно связана с политической свободой (рис. 7).

Рис.7. Связь между экономической и политической свободой в посткоммунистических странах

Источник: Freedom House. World Survey of Economic Freedom 1995-1996.

Примечание: Стрелками на графике указаны направления изменения индексов от наименьшего уровня к наибольшему уровню; следовательно, максимальному уровню экономической свободы соответствует индекс, равный 16, а максимальному уровню политической свободы – индекс, равный 1. R – коэффициент корреляции.

2.3. Выбор пути для посткоммунистических стран: дирижизм или свободный рынок?

Какой же путь может обеспечить посткоммунистическим странам устойчивый экономический рост и повышение уровня жизни населения? К сожа-

лению, для многих ответ неочевиден. Ряд стран, включая Беларусь, мечутся в поисках своего особого пути. По словам известного экономиста Джеффри Сакса, для многих посткоммунистических стран существует угроза не столько возврата к старой плановой системе, сколько вероятность повторения ошибок стран третьего мира с их практикой экономического дирижизма [10].

В целом можно выделить три возможных модели экономического развития. Первая модель (ряд стран Западной Европы) характеризуется значительной ролью государства в экономической жизни: государство посредством достаточно высоких налогов осуществляет перераспределение доходов в обществе, регулирует рынки труда, предпринимательскую деятельность в целом, а также деятельность отдельных отраслей и даже предприятий. Вторая модель (Япония, Южная Корея) подразумевает активное использование ограничений во внешней торговле и стимулирование отдельных отраслей, ориентированных, главным образом, на экспорт. И, наконец, третья модель (США, Гонконг) характеризуется минимальным вмешательством государства в экономику, экономической свободой и конкуренцией.

Конечно, каждая конкретная страна имеет свои особенности. Однако бесспорно, что высокая инфляция, отсутствие надежной защиты прав собственности, высокие налоги и внешнеторговые барьеры подрывают эффективность функционирования рынков. Все это подтверждается опытом капиталистических стран и имеет прямые отношения к странам с переходной экономикой.

Использование в посткоммунистических странах, включая Беларусь, так называемых европейской и японской моделей вряд ли даст положительные результаты. Во-первых, европейская модель с сильной социальной защитой практически осуществима только в экономически развитых странах (есть что делить). Кроме того, следует учитывать, что политика централизованного регулирования заработной платы, высоких налогов и пособий по безработице уже привела к весьма высокому хроническому уровню безработицы в ряде стран Западной Европы. Во-вторых, японская модель с ее селективным протекционизмом неизбежно ведет к поиску политической ренты, и, следовательно, к росту коррупции в государственных органах. Также весьма сомнительно, что государственные чиновники вообще в состоянии верно определить долгосрочные перспективы тех или иных отраслей и эффективные направления инвестиций.

Таким образом, наиболее подходящей моделью для стран с переходной экономикой является модель свободной рыночной экономики. Именно экономическая свобода для этих стран является тем “нематериальным” ресурсом, позволяющим вывести свои экономики на траектории устойчивого роста и обеспечить необходимую поддержку наиболее незащищенным слоям населения. Экономический дирижизм, подавление частной инициативы может

привести только к одному – перманентному экономическому кризису и снижению уровня жизни большей части населения.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

3.1. Общие представления населения о рыночной экономике

Какова социальная база рыночных реформ в Беларуси? Согласно результатам общенациональных опросов, регулярно проводимых НИСЭПИ в течение последних четырех лет, более половины респондентов предпочитают жить в рыночной экономике.* Чем же обусловлен этот выбор?

Для изучения экономических предпочтений населения Беларуси в ходе опросов задавался ряд вопросов, касающихся рынков труда, товаров и услуг. Как видно из табл. 2, по каждому отдельно взятому пункту достаточно большая часть населения выбирает ценности рыночной экономики (интересна также динамика ответов на отдельные вопросы, однако в данном случае нас интересует иной аспект проблемы). Однако следует заметить, что согласованность в ответах здесь крайне низка: менее 30% респондентов можно считать последовательными сторонниками рыночной экономики, по крайней мере, на уровне понимания принципов ее функционирования. Если же учесть ответы на вопрос об экономической эффективности различных форм собственности, то “верных рыночников” остается менее 20%.

Таблица 2
Рыночные предпочтения населения Беларуси (%).

<i>Предпочитают:</i>	1993	1994	1995	1996
1, Высокий заработок, но с риском потери работы	40,6	42,5	42,0	43,2
2, Широкий выбор высококачественных товаров по рыночным ценам	65,1	57,5	57,5	62,0
3, Платные высококачественные социальные услуги	59,4	57,1	49,6	46,3
Ответили утвердительно по всем трем пунктам	27,5	27,4	24,0	24,9
4, Считают, что частная собственность является наиболее экономически эффективной	52,8	45,9	41,8	42,6
Ответили утвердительно по всем четырем пунктам	19,7	19,9	17,3	16,8

Интересно, что, по мнению весьма значительной части населения, рыночная экономика вполне может быть совместима с социализмом. Как видно из табл. 3, среди сторонников рыночной экономики от 43,5% в 1993 г. до более

чем 50% в 1996 г. отмечали, что наиболее приемлемым строем для республики является социализм или какой-нибудь другой общественный строй. При этом приверженцы плановой экономики оказались куда более последовательными в своих предпочтениях – подавляющее большинство из них высказывались за социализм.

Таблица 3
Выбор общественного строя в зависимости от предпочитаемого типа экономики (в %, итог по строке)

Предпочитаемый тип экономики	Считают, что наиболее приемлемым общественным строем для Беларуси является											
	капитализм				социализм				другой строй			
	1993	1994	1995	1996	1993	1994	1995	1996	1993	1994	1995	1996
Рыночная экономика	56,5	56,6	52,3	49,5	23,5	27,6	35,2	34,2	20,0	15,8	12,5	16,3
Плановая экономика	14,3	11,9	8,1	10,7	74,7	80,8	83,5	81,4	11,0	7,3	8,4	7,9

Как видим, белорусские сторонники рыночной экономики в целом не отличаются ясным пониманием принципов ее функционирования. Далеко не каждому понятно и то, что рыночная экономика – это капиталистическая экономика. Очевидно, что рыночные предпочтения значительной части населения Беларуси определяются отнюдь не знанием основ рыночной экономики и верой в справедливость “невидимой руки” при дележе “общественного пирога”. Так что же отличает людей, выбирающих рыночную экономику, от тех, кто предпочитает старую командную систему?

3.2. Реальное участие населения в рыночной экономике

Нарождающаяся рыночная экономика, несмотря на чинимые препятствия со стороны властных структур, открывает огромные возможности. Однако этими возможностями по целому ряду причин могут воспользоваться далеко не все. В результате население неизбежно делится на две группы: выигрывающие и проигрывающие в результате экономических перемен. Первые используют новые возможности, открываемые рыночной экономикой, и улучшают свое материальное положение, повышают социальный статус. Вторые, наоборот, ухудшают свои материальные и социальные позиции, по крайней мере, по сравнению с более удачливыми согражданами. При этом зачастую состояние дискомфорта испытывается не только от абсолютного ухудшения материального положения, но и просто оттого, что “сосед” стал жить лучше. Таким образом, элементарная зависть является злейшим врагом формирующегося рыночного порядка, что весьма эффективно используется в борьбе за власть политиками популистского толка. На наш взгляд, именно потенциальные возможности адаптации к новым условиям и личный успех

являются определяющими факторами, формирующими экономические предпочтения населения.

Как правило, более молодые, более образованные люди лучше адаптируются к новой экономической ситуации. Определенную роль играет и место жительства: в крупных городах всегда имеется больше потенциальных возможностей для самореализации. Следовательно, сторонников рыночной экономики среди этих людей будет значительно больше, чем среди других категорий населения. Влияние социально-демографических характеристик на экономические предпочтения многократно подтверждено данными общенациональных опросов. Однако, на наш взгляд, значительно больший интерес представляют экономические факторы, определяющие экономические предпочтения населения.

Таблица 4

Выбор типа экономики и общественного строя в зависимости от участия в негосударственной экономической деятельности, частоты покупок в частной торговле и изменения материального положения (в %, итог по строке)

	Тип экономики		Общественный строй		
	рыночная экономика	плановая экономика	капитализм	социализм	другой строй
<i>Участие в негосударственной экономической деятельности:</i>					
Участвовали и собираются продолжать далее	73,8	26,2	46,6	42,7	10,7
Участвовали, но продолжать не собираются	53,1	46,9	30,8	58,8	10,4
Никогда не участвовали	42,8	57,2	22,9	68,9	8,2
<i>Частота покупок в частных торговых предприятиях:</i>					
Пескoлькo раз в неделю	82,8	17,2	50,1	38,3	11,6
Пескoлькo раз в месяц	59,9	40,1	32,8	55,5	11,7
Пескoлькo раз в год	39,6	60,4	21,8	70,7	7,5
Никoгда не покупают	27,5	72,5	18,2	76,9	4,9
<i>Изменение материального положения:</i>					
Улучшилось	83,2	16,8	50,1	40,9	9,0
Не изменилось	59,6	40,4	36,7	54,4	8,9
Ухудшилось	47,0	53,0	26,0	64,4	9,6

Примечание: Данные опроса 1996 г.

Даже относительная экономическая свобода стала мощным стимулом для развития негосударственной экономической деятельности. По данным НИСЭПИ в 1996 г. более половины населения Беларуси приняло в ней участие в той или иной форме (от создания собственной фирмы до элементарной спекуляции). Конечно, далеко не все преуспели в этом деле, однако более 61% из них собираются продолжить эту деятельность. Очевидно, что тот, кто смог добиться определенных успехов, вряд ли предпочтет экономической свободе сказки о радостях рыночного социализма.

Весьма активно использует население и возможности, предоставляемые частной торговлей. По данным общенационального опроса 1996 г., услугами частных торговых предприятий пользовались несколько раз в неделю более 24% населения республики, около 31% – совершали покупки в частных магазинах несколько раз в месяц (для сравнения: в 1995 г. – около 14 и 24% соответственно). Очевидно, что отсутствие очередей и достаточно широкий выбор товаров (как прямое следствие либерализации экономической деятельности и, в первую очередь, либерализации цен), а также возможность в той или иной степени пользоваться всеми этими благами являются серьезным аргументом в пользу рыночной экономики.

Согласно данным опроса НИСЭПИ в 1996 г., несмотря на общий кризис в экономике, примерно 37% респондентов отметили, что их материальное положение, по крайней мере, не ухудшилось, а 6% опрошенных указали, что оно улучшилось. Можно предположить, что среди этих людей будет больше всего сторонников рыночных реформ.

Как видно из табл. 4, между указанными факторами и экономическими предпочтениями существует определенная связь. Часть населения, сумевшая адаптироваться к новой экономической ситуации, охотнее воспринимает ценности свободного рынка. При этом, на наш взгляд, не имеет большого значения, насколько хорошо человек понимает принципы функционирования рыночной системы. Важно, что новая экономическая ситуация открывает новые возможности и перспективы.

Насколько существенны указанные факторы и какова их роль? В табл. 5 представлена количественная оценка влияния рассмотренных экономических и социально-демографических факторов на вероятность предпочтения респондентом рыночной экономики, полученная на основе логистической регрессионной модели.*

* В данном случае определяется вероятность того, что респондент предпочтет рыночную экономику (кто не предпочел рыночную экономику, в нашей модели относится к сторонникам плановой системы). В общем виде многофакторная логистическая модель имеет вид:

$$Prob(\text{market}) = \frac{e^Z}{1 + e^Z} \quad \text{– вероятность того, что респондент предпочтет рыночную экономику,}$$

Полученная модель достаточно точно классифицирует респондентов на сторонников рыночной и плановой экономики: точность классификации в целом составляет 70,8%, при этом доля сторонников рыночной экономики – 75,2% и доля сторонников плановой экономики – 65,9%.

Все коэффициенты регрессии статистически значимы на 1%-ном уровне. Независимые переменные включены в модель таким образом, что их изменения уменьшают вероятность выбора респондентом рыночной экономики, поэтому при всех коэффициентах стоит знак “-” (например, с ростом возраста или ухудшением материального положения снижается вероятность того, что человек предпочтет рыночную экономику для других факторов). Влияние типа поселения определялось в сравнении с Минском, т.е. уменьшение размера населенного пункта снижает вероятность предпочтения рыночной экономики.

Таблица 5
Влияние отдельных факторов на вероятность того, что респондент предпочтет рыночную экономику

Факторы	Коэффициент регрессии	Значимость коэффициента регрессии	Частный коэффициент корреляции
<i>Экономические:</i>			
1, Участие в негосударственной экономической деятельности	-0,4482	0,0000	-0,1192
2, Уровень материального положения	-0,2079	0,0006	-0,0679
3, Изменение материального положения	-0,2890	0,0057	-0,0516
4, Частота покупок в частных торговых предприятиях	-0,4908	0,0000	-0,1759
<i>Социально-демографические:</i>			
5, Возраст	-0,1031	0,0021	-0,0593
6, Образование	-0,2330	0,0006	-0,0678
7, Тип поселения:		0,0462	-0,0318
в других городах по сравнению с Минском	-0,3626		
в сельской местности по сравнению с Минском	-0,1408		

$Z = A_0 + A_1X_1 + A_2X_2 + \dots + A_nX_n$, где A_0, A_1, \dots, A_n – коэффициенты, оцениваемые методом максимального правдоподобия; X_1, \dots, X_n – независимые переменные (факторы), e – основание натуральных логарифмов.

В свою очередь вероятность того, что респондент не предпочтет рыночную экономику определяется как $Prob(nonmarket) = 1 - Prob(market)$.

Частные коэффициенты корреляции в данном случае характеризуют роль каждого фактора в процессе выбора типа экономики: чем выше абсолютное значение частного коэффициента корреляции, тем весомее соответствующий фактор в рамках данной модели. Как видим, экономические факторы в нашей модели играют ведущую роль.

Результаты представленного анализа позволяют с некоторой степенью условности представить портрет типичного сторонника рыночной экономики. Рыночные ценности ближе людям молодым, с весьма высоким образовательным уровнем, живущим преимущественно в крупных городах республики. Материальное положение этих людей, как правило, не ниже среднего и за последние годы оно, по крайней мере, не ухудшилось. Они могут позволить себе достаточно часто пользоваться услугами частной торговли. Но самое, на наш взгляд, главное – это наиболее экономически активная часть населения, нашедшая применение своим силам и способностям в сфере негосударственной экономики.

Итак, значительная часть населения воспринимает ценности рыночной экономики через конкретный личный опыт участия в рыночных процессах. Понятно, что результаты таких “личных контактов” с рыночной экономикой могут быть как позитивными, так и негативными. Соотношение рыночного “позитива” и “негатива” для населения в целом будет, в конечном счете, определять число сознательных сторонников и противников рыночной экономики в белорусском обществе. В то же время по некоторым аспектам между сторонниками различных экономических систем нет непреодолимой пропасти.

Таблица 6
Отношение к частной собственности на землю в зависимости от экономических предпочтений (%).

<i>Что бы Вы выбрали?</i>	Считают допустимой частную собственность на землю для граждан Беларуси
Рыночную экономику	86,3
Плановую экономику	70,5
<i>Какой строй более приемлем для Беларуси?</i>	
Капитализм	87,6
Социализм	73,6
Другой	86,1

Примечание: Данные опроса 1996 г.

В качестве яркого примера можно привести отношение к частной собственности на землю (конечно, имеется ввиду корректная постановка вопроса, а не экономически бессмысленная формулировка о купле-продаже земли безо всяких ограничений, вынесенная на референдум 1996 г.). По данным об-

шенационального опроса НИСЭПИ 1996 г., положительно к частной собственности на землю относятся респонденты с различными экономическими предпочтениями (табл. 6).

Конечно, среди сторонников рыночной экономики, капиталистического пути развития сторонников частной собственности на землю больше. Однако, как видим, немало таковых и среди тех, кто ответил, что предпочитает жить при социализме и плановой экономике.

Это весьма интересный и важный для сторонников экономических реформ факт: многие люди, запутавшись в идеологических установках, поступают весьма прагматично, когда дело касается конкретного вопроса. Наличие значительного числа таких “стихийных” сторонников экономической свободы позволяет надеяться, что при определенных усилиях со стороны соответствующих политических сил, направленных на преодоление антирыночных стереотипов у населения Беларуси, можно существенно расширить социальную базу поддержки реальных рыночных реформ.

Литература

1. При анализе партийных программ были использованы материалы Архивного центра НИСЭПИ.
2. Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Начала-Пресс, 1991.
3. Лангенберг Х. Какое правительство нам нужно? // США: экономика, политика, идеология, 1994. №2.
4. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: “Новости”, 1992.
5. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // МЭ и МО, 1989. № 12.
6. Balcerowicz L. Common fallacies in the debate on the economic transition in central and eastern Europe // European Bank for Reconstruction and Development, Working paper. October 1993. No 11.
7. James M. Buchanan. What Should Economists Do? // Liberty Press. Indianapolis, 1979.
8. The Heritage Foundation. 1996 Index of Economic Freedom; The Fraser Institute // Economic Freedom of the World: 1975–1995; Freedom House. World Survey of Economic Freedom 1995–1996.
9. Economic Reform Today. 1996. N 2.
10. Transition. The World Bank. 1995. Vol. 6. N 9–10.